

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

К оценке деятельности Исраела Ори и
Минаса-вардапета

Изучение и обобщение истории возникновения освободительного движения армянского народа за присоединение к России, а значит, истории возникновения в конце XVII — начале XVIII вв. русской ориентации армян и установления армяно-русского союза и дружбы, — одна из важнейших задач советских историков-арменоведов.

Не может быть сомнения в том, что каждая новая публикация, правильно и по-марксистски освещающая проблему истоков этого союза и дружбы, проблему возникновения движения за присоединение к России, явилась бы значительным вкладом в нашу историческую науку.

В нашу задачу не входит подробный разбор и оценка книги П. Арутюняна «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века»¹, о которой мы говорим в данной статье; мы затрагиваем лишь некоторые важнейшие вопросы истории освободительного движения армянского народа в конце XVII и в первых двух десятилетиях XVIII вв., неправильно, как нам кажется, освещающиеся в этом труде. К числу таких вопросов относятся: оценка личности и политической деятельности Исраела Ори и его товарища по борьбе вардапета Минаса; отношение к некоторым основополагающим письменным памятникам армяно-русских политических отношений 1699—1703 гг.; вопрос о роли России в армянском освободительном движении и некоторые другие.

По-своему толкуя некоторые известные до сих пор письменные памятники, автор, как нам кажется, неверно освещает целый ряд важных вопросов истории освободительного движения 1699—1721 гг. Автор не дорожит именами общепризнанных представителей, глашатаев и защитников освободительного движения, а в ряде случаев — фактами и документами, которые составляют важные страницы истории армяно-русских отношений и борьбы за присоединение к России.

Чтобы развенчать роль и значение Исраела Ори, как главы Армянской миссии в Москве, П. Т. Арутюнян, как бы констатируя «факт», приводит следующее положение армянского историка Лео: «Исраела Ори заменил его товарищ Минас-вардапет, способности которого, однако, не шли дальше подделки печатей и документов» (стр. 150—151). Приводя эту убийственную характеристику деятельности Минаса, а значит, и Ори, ибо вардапет Минас работал под его руководством, автор тут же переходит к другим вопросам, не сказав ни слова, согласен ли он с такой характеристикой или не согласен.

Не придавая сколько-нибудь серьезного значения Армянской миссии

¹ П. Т. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века. Ответственные редакторы: доктор ист. наук Б. Н. Заходер, доктор ист. наук А. З. Иоаниссани, Москва, 1954, изд. АН СССР, 284 страницы, тираж 3000.

в Москве и не раскрывая гигантской по своим масштабам деятельности энергичного и неутомимого руководителя этой миссии, автор почему-то обращает особое внимание на рассмотрение вопроса о социальном происхождении и положении Израела Ори, то и дело обвиняя его во лжи. Так, не веря сведениям о княжеском (меликском) происхождении Израела Ори, которые даются в послании десяти армянских меликов от 29 апреля 1699 г. к русскому царю Петру I, и считая личные объяснения Ори ложью, автор выдвигает ничем не обоснованное предположение «о крестьянском происхождении Ори», о том, что последний был выходцем из некогда зажиточной семьи, «разоренной в 1699 г. и впоследствии обнищавшей» (стр. 148). Ори, как пишет П. Арутюнян, усердно скрывал местность, где находились его отцовский дом и состояние, и если бы не это, то он «быстро разоблачил бы ложь о своем княжеском происхождении, которую сам распространял» (стр. 146).

Непомерно большое внимание, которое уделяет автор вопросу о происхождении Ори, имело, как нам кажется, своей целью изобразить его обыкновенным купцом (с «крестьянским происхождением») и овести на нет его роль в освободительном движении, хотя известно, что крестьянское происхождение, особенно в эпоху феодализма, могло только поднять роль и значение деятеля.

Явные попытки умалить роль Ори П. Арутюнян делает при освещении некоторых вопросов Ангехакотского тайного собрания 1699 г. У него получается, что Израел Ори, типичный представитель пфальцкого курфирста и глашатай католической церкви, мог только добиваться и добивался на этом собрании принятия армянскими меликами обращений к римскому папе и западным государям, а не к России и ее государю. По мнению автора, письмо меликов Иоганну-Вильгельму с просьбой о военной помощи могло быть написано по настоянию Ори, но зато мелики написали русскому царю Петру Алексеевичу по своей инициативе.

«Трудно предположить, — пишет П. Арутюнян, — что Израел Ори мог быть инициатором постановки в Ангехакоте вопроса о русской помощи, если учесть, что он вернулся в Армению (4 апреля 1699 г.) не из России, а из Западной Европы, имея при себе письмо баварского курфирста Иоганна-Вильгельма, сулившего армянам «помощь» западноевропейских держав. В Европе Ори внушали, что армяне получают помощь, если они примут католичество, и Ори вернулся в Армению с намерением настроить влиятельных армянских деятелей в пользу папы и западноевропейских государей... Участники собрания, принадлежавшие к феодальной верхушке армянского общества, очевидно по настоянию Ори, решили написать письмо Иоганну-Вильгельму с просьбой прислать войска на помощь армянам. С целью ускорить эту помощь, мелики согласились также отправить послание римскому папе, обещая принять католичество, если они получат достаточную военную поддержку» (стр. 140—141). Эти положения автор обобщает словами: «Выше уже было указано, что не армянские мелики и поддерживавшие их круги армянского общества пошли за Ори на собрании в Ангехакоте, а, наоборот, Ори пошел на этом собрании за ними, и лишь после того они признали его своим представителем в переговорах с Западной Европой и Россией» (стр. 149).

Как мы видим, автор не только отрицает, что Ори мог быть инициатором постановки вопроса о русской помощи, но даже не допускает возможности совладения точки зрения этого деятеля по данному вопросу с мнением меликов, утверждая, что тот мог иметь только западную ориен-

¹ Здесь и ниже подчеркнуто нами.

тацию. Выходит, что Ори до своего приезда в Ангехакот не знал России и не понимал значения русской помощи для Армении.

Конечно, армянские круги хорошо знали Россию и ее великий народ еще до приезда в 1699 г. в Армению Исраела Ори. Они узнали Россию еще в XVII в., когда армянский торговый капитал широко функционировал в Москве и в других городах России. Они узнали Россию и ее народ также благодаря тому, что в XVII в. сотни армян различных социальных групп ежегодно ездили в Москву и возвращались обратно, а некоторые видные армяне, как Василий Даудов, Богдан Салтанов и другие, работая в Москве, держали тесную связь с Арменией. В России были армянские колонии, жители которых также поддерживали связь с Арменией. Широкие русско-грузинские и русско-персидские политические сношения XVI—XVII вв. тоже не могли пройти мимо внимания армян. И не случайно, что еще в 70-х годах XVII в. мы видим первые шаги армяно-русских политических отношений, обращения армян к России с просьбой о помощи и покровительстве (послание эмиадзинского католикоса Акопа Джугаеци и письмо гандзасарского патриарха Петра к русскому царю, переговоры в Москве Григория Лусикова и т. д.). Все это давным-давно известно.

Какое же имеется основание полагать, что Ори не знал России и не понимал ее роли в освободительной борьбе армянского народа?

Мы уверены в том, что Исраел Ори, этот всесторонне развитый и владевший рядом европейских и восточных языков деятель, хорошо знал Россию еще до своего приезда в Армению. Это видно из целого ряда документов, свидетельствующих о том, что Ори не только хорошо знал Россию, но и правильно понимал ее государственные интересы. У нас нет никакого сомнения в том, что он знал Россию и понимал ее роль в деле освобождения Армении не хуже, чем любой из десяти армянских меликов, подписавших послание Петру I (кстати, не все из них умели более или менее правильно выводить свои фамилии на бумаге). И если бы П. Арутюнян не увлекался поисками местожительства родичей Ори, а попытался бы раскрыть и оценить если не все многочисленные письма и бумаги, автором которых является Исраел Ори, и даже не письма и бумаги его, относящиеся ко второй половине 1701 года, то хотя бы один документ, например «Памятную записку» от 25 июля 1701 г., составленную Исраелом Ори на французском языке и изложенную им же в устной речи на турецком языке переводчику Николаю Спафарию, то вряд ли стал утверждать, что некоторые армянские феодалы (мелики) явились учителями и предводителями Ори в вопросе о русской помощи и т. д.

Мы не имеем возможности раскрыть содержание большой по объему (18 разделов) и глубокой по смыслу «Памятной записки». Приведем из нее лишь одно конкретное положение и отметим значение документа в целом, полагая, что и этого вполне достаточно для выяснения вопроса.

Так, в одном из разделов «Памятной записки» Ори, обращаясь к Петру I и убеждая его в легкости военного похода на Закавказье с целью освобождения и присоединения к России, писал: «А ведомость есть великому государю, как Стенька Разин с 3000 казаками завладел что ни лучшего того Кизылбашского государства Гилянью и многие годы держал, и персидский шах ничем не мог ему вредить, покамест он сам возвратился. И ныне ведает, что казаки зело охотно пайдут на ту войну, как великий государь им укажет...»¹. Таким образом, Ори высоко ценил доблесть

¹ Г. Эзов, Сношения Петра Великого с армянским народом, СПб. 1898, док. № 43, раздел 12.

Степана Разина и мужество его казаков и, зная такие подробности о походе Разина, не мог не знать России.

Значение «Памятной записки» состоит в том, что в ней Израел Ори обнаружил свою полную осведомленность в делах Российского государства, сумел наиболее полно изложить вопрос о возможностях, путях и средствах русской военной и военно-политической помощи народам Закавказья и выразить глубокую любовь и преданность армянского народа к России, а также дать трезвый и всесторонне обдуманный план военного похода, сохранивший свое значение и в последующие периоды, вплоть до конца первой четверти XIX в.

«Памятная записка» не составляет исключения. Многочисленные письма, донесения и другие бумаги Израела Ори на русском, армянском, латинском, немецком, французском и итальянском языках есть неопровержимое свидетельство его любви к России, его преданности делу армянского освободительного движения. Недаром проницательный Петр I высоко ценил Ори, относился к нему с огромным доверием, оберегал его имя, создавал все условия для его деятельности и поручал ему ответственные задания, имевшие государственное значение.

Полагать, что все это результат воздействия на Ори некоторых армянских меликов в дни Ангехакотского собрания, — значит грешить перед фактами или просто закрывать на них глаза.

О чем говорят факты? Они говорят о том, что Ангехакотское тайное собрание было созвано в связи с приездом Ори, благодаря его усилиям и в результате того, что представители феодальной верхушки Карабаха (10 меликов) вняли ему, одобрили его начинание и пошли вместе с ним на указанное собрание, поскольку их стремления совпадали со стремлениями Ори.

Из этого следует, что на Ангехакотском собрании вопрос о русской помощи мог быть поставлен если не по инициативе Ори, то, по крайней мере, по обоюдному — Ори и меликов — согласию. Иначе и думать невозможно, потому что если бы Израел Ори прибыл в Армению, чтобы связать дело освобождения страны только с западными государствами, то вряд ли он смог бы так быстро согласиться с меликами о русской помощи. И совсем невероятно, что Ори, будучи после Ангехакотского собрания в Западной Европе, мог так «неожиданно», как пишет П. Арутюнян (стр. 142), переориентироваться, не придать значения посланиям меликов императору Леопольду, римскому папе и пфальцкому курфирсту Иоганну-Вильгельму, оставить Западную Европу и прибыть 7 июля 1701 г. со своим товарищем вардапетом Минасом в Москву, чтобы вручить дело об освобождении Восточной (Персидской) Армении Российскому государству.

Что касается утверждения автора о том, будто Израел Ори хотел настроить меликов в пользу папы и западных католических государств, то следует сказать, что и Ори и вардапет Минас прибегали к помощи католичества лишь в целях облегчения условий освобождения Армении от тяжелого ига персидских и турецких ассимиляторов. И в этом мы не находим ничего предосудительного. В самом деле, разве армяне, у которых еще в конце XVII — начале XVIII вв. возникла русская ориентация, не стремились к тому, чтобы не только предупредить антиармянские выступления со стороны западноевропейских государств в случае турецкой агрессии против Армении и России, но и склонить эти государства к совместной борьбе против Турции в целях создания более благоприятных условий для освобождения Армении? Разве не в этих целях еще в 70-х годах XVII в. известный армянский политический деятель Григорий Лусиков

вошел в переговоры с польским посланником Богданом Гурдием, добиваясь создания антитурецкой коалиции? Разве не в целях подготовки общественного мнения в пользу борьбы за Армению и предупреждения вмешательства в это дело со стороны Турции Петр I отправил в 1704 г. Ори в страны Западной Европы? То же самое мы могли бы сказать и о посланиях Ангехакотского собрания римскому папе и некоторым западным государям. Автор книги полагает, что все эти послания были приняты по настоянию Ори. Однако с таким положением согласиться нельзя, ибо, как известно, и в 1678 г., когда молодой Ори еще почти не был известен в политических кругах Армении¹, 12 представителей армянских оветских и духовных феодалов предприняли точно такую же попытку², не говоря уже о некоторых ранних попытках армян связаться с государствами Западной Европы и добиться от них помощи. Очевидно, мелики, пытавшиеся связаться с Западом в 1678 г., могли то же предпринять и в 1699 г., хотя попытки эти, как стало очевидно позже, были не только напрасны, но и ошибочны, и в этом глубоко убедились Израел Ори и вардапет Минас уже в конце 1700 — начале 1701 гг.

Характерно, что П. Арутюнян, нарочито подчеркивая старание Израела Ори «в пользу папы и западноевропейских государей», в то же время «не замечает» того, что Израел Ори — первый армянский деятель, который раньше других сумел понять бесплодность поисков помощи армянскому народу в кругах западных католических государств и открыто заявил Петру I, что армяне приняли русское подданство и просят прислать им на помощь русское войско, ибо они иной военной помощи, кроме русской, не желают. Об этом Ори заявлял в первые же дни своего пребывания в Москве. Так, 14 июля 1701 г. в своем письме в Государственный посольский приказ Израел Ори прямо указывал, что весь армянский народ и его «начальники» страстно желают прихода русского войска «и много не желают, и готовы суть житие и имение оное полагати в службу его величества...»³, т. е. русского государя. Эту же мысль он четко и ясно выразил в своем письме от 22 июля 1701 г. канцлеру Ф. А. Головину, в котором сказано, что полки баварского курфюрста армянам не нужны. «И не просили мы войска от преждеречённого пресветлейшего электора, но просили мы потребное способность на всякий случай... что буде император туркский начнёт на нас войну, чтобы могли мы имети помощь от той страны... Первенственное убо дело сие есть, чтоб его царское величество наше прошение принял и соизволил быть нашей земли государь»⁴.

Об этих фактах автор книги умалчивает, увлекшись критикой Израела Ори и вардапета Минаса, уличением их в приверженности католицизму.

Итак, предположение П. Арутюняна насчет позиции Ори на Ангехакотском собрании, как и его противопоставление позиций Ори и меликов, необоснованно и умаляет роль Ори в освободительном движении армянского народа.

Характеризуя, далее, Ори, автор книги пишет: «Израела Ори следует рассматривать как выразителя идей и интересов феодально-купеческой верхушки армянского общества... В своей политической деятельности Ори никогда не выходил из рамок интересов этой верхушки, занимаясь лишь подготовкой и организацией движения сверху» (стр. 148—149).

¹ Ори был тогда известен лишь постольку, поскольку участники Эчмиадзинского тайного собрания 1678 г. включили его в состав отправлявшегося в Западную Европу и Россию посольства (см. Г. Эзов, указ. соч., док. № 6).

² См. там же.

³ Г. Эзов, указ. соч., док. № 37.

⁴ Там же, док. № 41.

Из приведенных выдержек видно, что Израел Ори (этот «выходец», по мнению автора, из разорившейся и обнищавшей крестьянской семьи) выражал интересы лишь феодально-купеческой верхушки и никогда не выходил из рамок этих интересов.

Конечно, Ори выражал и защищал социальные интересы армянских феодалов. Это и понятно. Ори, вопреки мнению автора книги, на самом деле происходил из феодальной знати и принадлежал к ней. Однако это обстоятельство не дает основания отрицать, что Израел Ори, борясь за освобождение Восточной Армении от свирепого чужеземного ига и присоединение ее к России, объективно защищал интересы широких народных масс, выражая их стремления и чаяния. Характерно, что автор, не считая Ори выразителем освободительных стремлений и чаяний армянского народа, не выдвигает никого в роли такового и запутывает историю армяно-русских политических отношений конца XVII — начала XVIII вв., особенно историю деятельности Армянской миссии в Москве.

Конкретизируя свою оценку деятельности Израела Ори, автор пишет: «Не веря в силы народных масс, не понимая значения их борьбы, Ори не пытался организовать широкое народное движение и дело освобождения страны связывал главным образом с действиями внешних сил» (стр. 150).

Это утверждение П. Арутюняна неверно.

Израел Ори по-своему понимал и оценивал значение народных масс в армянском освободительном движении за присоединение к России. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, в которых он неоднократно подчеркивал огромное значение широких народных масс (не только Армении, но и всего Закавказья) в борьбе за освобождение стран этого края и присоединение их к России. Нам не известен из этих документов ни один сколько-нибудь значительный, в котором бы не говорилось о роли и значении народа в освободительном движении. В своих устных и письменных выступлениях Ори постоянно говорил от имени армянских старшин и всего армянского народа, строя свои планы на учете сил и возможностей последнего. Так, еще в 1699—1701 гг. в целом ряде своих донесений и обращений он указывал, что в случае войны за освобождение Армении и Грузии первая из этих стран может выставить от 116 до 200 тысяч, вторая — от 30 до 80 тысяч повстанцев, что десятки тысяч воинов сумеет дать Западная (Турецкая) Армения и т. д. Кроме того, Ори указывал, что одна Армения в состоянии будет полностью обеспечить продовольствием и прочими припасами не менее чем 100-тысячную русскую армию при ее вступлении в Армению, где эта армия повсеместно будет встречать всемерную помощь и содействие. Но, по мнению Ори, армия в таком количестве вряд ли понадобится, так как противник слаб в военном отношении, и армяне сами располагают большими силами, ожидающими сигнала для выступления. Таким сигналом он считал приход на помощь армянам некоторого количества русских войск с конницей и артиллерией и привоз для армянских частей 50 знамен с государственным гербом России. Петра I Ори просил выделить только вспомогательные силы (до 25 тысяч воинов), ибо «в нашей земле,— говорил он,— множество есть людей, которые уже все готовы суть ко оружию...»¹.

О чем же говорят эти факты (хорошо знакомые автору книги), если не о том, что Ори, энергично добываясь военной помощи от России, ни на минуту не упускал из виду внутренние силы, по-своему верил в силы широких масс и понимал значение их борьбы. В самом деле, ведь 100—200-тысячные повстанческие войска из маленькой Армении, о которых давал

¹ Г. Эзов, указ. соч., док. № 41, см. также док. №№ 9, 42, 43 и др.

обещания Ори, не могли состоять из феодальной верхушки — крупных меликов. Далее, заверения Ори о снабжении 100-тысячной русской армии из ресурсов Армении не могли быть выполнены за счет этих феодалов или даже купечества. Давая эти обещания, Израел Ори, разумеется, имел в виду главным образом широкие крестьянские массы, их готовность и желание идти на жертвы ради общего дела.

Однако Ори не только давал обещания, но и принимал конкретные меры по подготовке условий для их осуществления. Известно, что Израел Ори писал из Москвы «армянским начальникам» письма, которых он держал в курсе переговоров с Петром I и русским правительством; отправлял своих представителей, например Мирона Васильева в 1702 г., в Армению с заданиями в связи с освободительным движением; принимал представителей из Армении, например старца инок и Аввакума в 1703 г., и отправлял их обратно, давая им соответствующие указания; за свой счет закупил оружие в странах Западной Европы с целью образования армянского полка в составе русских войск; энергично добивался у Петра I разрешения съездить в Армению и, будучи в этой стране (1709 г.), лично встречался с представителями освободительного движения и склонил крупного деятеля этого движения гандзасарского патриарха Есаи Хасан-Джалаляна к поездке в Москву¹; составлял обстоятельные планы военного похода и военные карты Закавказья и Персии с указанием на них топографии местности, военных объектов и т. д. Известны и многие другие конкретные шаги, которые осуществлял Израел Ори в 1701—1711 гг. в связи с движением армян за присоединение к России.

Уже эти общеизвестные факты не оставляют сомнения в том, что положение П. Арутюняна о неверии Ори в силы широких масс не соответствует действительности.

Продолжая характеристику Израела Ори, автор книги пишет:

«...Ори не ограничивался только политической деятельностью, но и стремился выступить в качестве военного руководителя. Известно, что он пытался образовать армянский полк по своим начальством... Бесспорно, образование армянского полка могло бы сыграть известную роль в развитии освободительного движения... Однако Ори явно преувеличивает значение армянского полка. Стараясь создать этот полк вне пределов Армении, он тем самым связывал действия и успехи полка не с внутренним движением армян, а с силами, наступавшими извне» (стр. 149—150).

Из приведенных положений видно, что автор ставит Ори в вину то, что тот хотел создать армянский полк вне пределов Армении, т. е. в России, а значит переоценивал значение этого полка. Нечего и говорить, что такого рода критика деятельности Ори лишь свидетельствует о том, что П. Арутюнян, пытаясь во что бы то ни стало умалить роль и значение этого деятеля, не обращает внимания на место, время и обстоятельства. Нечего и говорить, что патриотическое (сугубо политическое, а не военное, как полагает П. Арутюнян) начинание Ори могло встретить только одобрение и восхваление. Автор, однако, иначе оценивает этот вопрос, полагая, что поскольку Ори хотел создать армянский полк не в Армении, а в России, то он «тем самым связывал действия и успех полка не с внутренним движением армян, а лишь с силами (русскими — А. Л.), наступавшими извне». В том, что действия и успехи армянского полка Израел Ори связывал с силами русских войск, в числе которых и должен был сражаться этот полк за освобождение Армении, выполняя функции раз-

¹ Патриарх Есаи, прибывший в Астрахань с целью дальнейшего следования по пути в Москву, вынужден был вернуться обратно в связи с внезапной кончиной Ори в Астрахани в 1711 г.

ведки,— можно было бы видеть только положительное. Но автор книги другого мнения: в этом факте он усматривает нечто отрицательное.

По нашему мнению, несостоятельность подобной оценки деятельности Ори обусловлена тем, что автор не совсем правильно понимает роль России в освободительном движении армянского народа и, в известной мере, переоценивает внутренние силы Армении. На самом же деле без серьезной военной помощи со стороны Российского государства Восточная Армения (как и другие области Закавказья) никогда не добилась бы своего освобождения от ига шахской Персии и султанской Турции.

И не случайно, что вооруженные отряды в Армении возникли лишь весной 1722 г., и возникли они не иначе, как в прямой связи с Персидским походом Петра I и по советам последнего. Армянские войска Карабаха, возглавляемые Есаи Хасан-Джалаляном, вместе с грузинскими отрядами Вахтанга VI должны были, как этого требовал Петр I, двинуться навстречу русским войскам и присоединиться к ним в районе Шемахи. Из этого следует, что Персидский поход Петра I явился основным и решающим условием возникновения вооруженных отрядов армянского народа и вооруженной борьбы в Армении (но не таких отрядов, которые с разрешения персидских властей имелись до тех пор у некоторых армянских феодалов и о которых говорит автор книги (см стр. 140, 155), а новые вооруженные отряды, возникшие для борьбы за освобождение Армении и присоединение ее к России). Однако иначе оценивает этот вопрос автор. Говоря об условиях возникновения вооруженной борьбы, он пишет: «Вовлечение в освободительное движение широких народных масс Азербайджана, Армении, Грузии окончательно расшатало основы сефевидского владычества в Закавказье и сыграло решающую роль в деле подготовки вооруженного выступления против персидских и турецких поработителей» (стр. 154).

Не останавливаясь на не совсем правильном положении автора об окончательном расшатывании основ сефевидского владычества в Закавказье, мы лишь хотели отметить, что он не придает значения конкретной обстановке, сложившейся в связи с военными шагами России в Закавказье. Во многих местах своей книги (стр. 138, 155, 156 и др.) автор указывает, что ни в 70-х годах XVII в., ни в конце этого века и ни в начале XVIII в. не ставилась задача непосредственной организации в Армении вооруженной борьбы, что эта задача возникла лишь в начале 20-х годов XVIII в. Почему? Потому, указывает он, что в движение пришли широкие массы крестьянства. Но возникает вопрос, почему именно в начале 20-х годов эти массы пришли в движение и именно тогда в Карабахе и Кафане возникли армянские укрепленные районы (сгнахи)? На этот вопрос в книге П. Арутюняна мы не находим правильного ответа.

Если решающим обстоятельством возникновения в 1722 г. вооруженной борьбы армян считать только внутренние условия, то эта борьба должна была вспыхнуть не в начале 20-х годов XVIII в., а в конце XVII и в самом начале XVIII вв., когда в Персидской Армении была проведена перепись населения и во много раз увеличено налоговое бремя¹. Как указывает армянский историк-современник Есаи Хасан-Джалалян, персидские агенты с беспощадной жестокостью взыскивали с крестьян эти налоги, не останавливаясь ни перед чем. Хотя трудовое крестьянство и питало жгучую ненависть к персидским поработителям, однако вооруженное восстание не вспыхнуло тогда, потому что армяне не рассчитывали на

¹ См. *Есаи Хасан-Джалалян*, Краткая история страны аиранов (на арм. языке), Иерусалим, 1868, глава III.

непосредственную и быструю военную помощь со стороны России. А без такой помощи вооруженная борьба армянского народа не только была бы подавлена, но и вызвала бы разгром страны. Народная вооруженная борьба возникла и развертывалась лишь тогда, когда Москва уже твердо решила начать поход, а затем и двинула свои войска, которые быстро и с успехом, как это предвидел еще Израел Ори в своем военном плане, вступили на закавказские земли и взяли Дербент и другие города.

Если причиной вооруженной борьбы армянского народа и других народов явилась здесь варварская политика иноземных захватчиков, то **решающим условием** возникновения и развития этой борьбы явились конкретные военные и военно-политические шаги, предпринятые русским правительством в начале 20-х годов XVIII в. Об этом свидетельствуют многочисленные письменные памятники, хорошо известные автору книги. Правда, П. Арутюнян в некоторых местах своей книги говорит о роли России в освободительном движении армянского народа. Но он не выделяет эту роль как решающее условие начала вооруженной борьбы в Армении.

Таким образом, автор, необоснованно критикуя Ори и пытаясь приуменьшить его роль, допускает серьезные ошибки в вопросе о помощи извне (от России) и отходит от правильного положения, которое он формулирует во введении своей книги. Здесь сказано, что народные массы Армении в лице России и русского народа «справедливо видели могучую силу, на которую могли опереться». Отойдя от этого положения и противореча ему, автор становится на позиции критики патриотической, самоотверженной деятельности Ори, добивавшегося военной помощи из России и стремившегося создать армянский полк в России.

Итак, политическая деятельность Израела Ори в книге П. Арутюняна освещается неправильно. Данная автором характеристика не основывается на архивных документах и, согласно с этим, находится в явном противоречии с имеющимися в нашей литературе оценками личности Ори.

Однако автор книги принижает роль не только Ори, но и вардапета Минаса, работавшего рука об руку с Ори и продолжавшего его дело после его смерти.

«Бесспорно,— пишет автор,— Минас-вардапет отнюдь не отличался особыми способностями; в правительственных сферах России и среди армянской феодально-купеческой верхушки он не пользовался таким авторитетом, как Ори. Однако, после смерти Ори (1711 г.— А. Л.), в силу сложившейся обстановки, ему пришлось сыграть довольно заметную роль в деле дальнейшего укрепления армяно-русских связей и развития освободительного движения» (стр. 152).

К сожалению, мы должны сказать, что даже эта, почти единственная в книге П. Арутюняна положительная оценка деятельности Минаса, не может быть принята без критики, ибо она оставляет в тени его 11—12-летнюю активную политическую деятельность. Разве автору не известно, что вардапет Минас, который, по его словам, не отличался особыми способностями, почти весь период с 1704 по 1711 г. один в Москве представлял Армению, ибо в эти годы, с небольшим перерывом, Ори находился в Западной Европе и в Персии, выполняя задания Петра I в связи с «армянским делом»? Конечно, вардапет Минас по уровню своего развития стоял ниже Ори, уступая ему по своим способностям. О его деятельности весьма положительно отзывались и сами участники освободительного движения, не говоря уже о доверии к нему со стороны Петра I, которого Минас в 1722 г. сопровождал в Персидском походе.

«Минас-вардапет,— пишет, далее, автор,— подобно Ори, был чужд

движению масс и ограничивал свою роль главным образом посредническими функциями между русским правительством и верхушкой армянского общества... **Минас не предпринял никаких мер для организации внутренних сил страны»** (стр. 151).

Получается странное явление: посланный меликами и поддерживавшими их кругами армянского общества в Москву по делам освободительного движения, вардапет Минас (и Ори) был чужд этому движению и выражал интересы лишь духовной и феодальной знати. Если это так, то **кто же выражал в Москве интересы движения**, и вообще признает ли автор факт создания в Москве 7 июля 1701 г. Армянской миссии и ее деятельность?

Утверждение П. Арутюняна о том, что Минас, как и Ори, был чужд освободительному движению, не соответствует действительному ходу событий. Народно-освободительное движение было тесно связано с Россией, и упрочению, укреплению этой связи во многом способствовали Ори и Минас, которые в переговорах в Москве несомненно выражали **освободительные интересы армянского народа, его стремления и чаяния в движении**.

Вардапет Минас также понимал, по-своему, значение народных масс в движении и по мере своих сил стремился организовать и направлять это движение. Об этом свидетельствуют многочисленные бумаги, в том числе документы, принадлежащие перу Минаса. Мы могли бы сослаться на донесение Минаса от 22 сентября 1722 г., в котором указывалось, что **«грузинцы и армяне все в единодушном соединении пребывают»** и возлагают свои надежды только на Россию, в ожидании прихода ее войск, что **«армяны по христианству, в приход его величества войск в их край, ко оным пристанут и всякое вспоможение чинить им будут»**, что **в Армении уже имеется 40 тыс. войск, но можно еще выставить столько же и т. д.**¹

О чем идет здесь речь, если не об армянском народе, его силах в движении, направленном против персидско-турецких захватчиков.

Характерно, что П. Арутюнян, не раскрывая по существу политической деятельности Минаса, уделяет огромное внимание критике его **«религиозных планов»**. Поэтому мы вынуждены обратить внимание и на эту сторону критики автора.

Пытаясь свести на нет роль вардапета Минаса в освободительном движении армянского народа, автор пишет, что тот, как представитель армянского духовенства, **«стремился достигнуть освобождения Армении и ее присоединения к России с помощью церкви, религии»** (стр. 151). Сделав такой вывод, автор подтверждает его словами: **«Еще в 1714 г. он (Минас — А. Л.) предлагал Петру I добиться согласия персидского шаха на строительство армянского монастыря в Низовы... с тем, чтобы держать при этом монастыре русские войска и привлекать («собирать») туда армян, в результате чего русский государь мог бы «армянский народ под свою державу принять»** (стр. 151).

Из обширного донесения вардапета Минаса от 20 ноября 1714 г. П. Арутюнян берет лишь **шесть слов** — **«армянский народ под свою державу принять»** — и подводит эти слова под свой тезис о том, что Минас стремился достигнуть освобождения Армении с помощью церкви. На самом же деле в этом донесении писалось совсем о другом.

Правильно оценив важное географическое значение города Низовы (Низабат) и окружающих его районов, вардапет Минас просил Петра I

¹ Г. Эзов, указ. соч., док. № 213.

добиться у шаха согласия на построение в этом городе армянского монастыря и под видом последнего построить там большую крепость или военную базу, которая могла бы сыграть значительную роль в случае, если русский государь сочтет нужным двинуть свои войска в целях отвоевания Восточной Армении и других областей Закавказья.

На Каспийском море, писал в донесении Минас, «есть пристань на той стороне моря, на которой живёт оной (армянский — А. Л.) народ, называется Ниазова, которая зело угодна... И ради безопасности его величества войсками, естли б когда изволил туда послать, изобретён способ, чтобы его царское величество изволил указать послать озою грамоту к шаху персидскому, чтобы позволено было в тех местах построить один монастырь армянской, по примеру иных монастырей, которых в Персиде зело много и строитца гораздо велики, что могут быть вместо крепости,... когда такой монастырь построицца, то его величество может тогда, когда изволит, послать свои войска в оной монастырь засесть, и потом помянутой армянский народ под свою державу принять. Войски его царского величества прислать в ту пристань зело лехко... А для пропитания их провианту изготовить возможно, понеже около тех мест поселения зело много, где можно многие тысячи закупить, в чём и народ тамошней поможет... К тому же наипаче, чтоб никто не мог признать и моего намерения о пользе его царского величества, всепокорно прошу, чтобы позволено было построить церковь армянскую в Петербурге... ибо из того будет всем вид, что моё старание не о оных делах (т. е. подготовке вооружённого освобождения Армении — А. Л.), но только о строении церквей...»¹.

Эти положения не оставляют сомнения в том, что автор произвольно толкует документ, умалчивая основное о значении такой крепости на берегу Каспийского моря.

Автор не упоминает ряд документов, в которых Минас просил разрешение на строительство в Москве и других городах России армянских церквей, мотивируя это интересами армянского освободительного движения и укрепления связей армян с Россией. Из этих документов следует, что вардапет Минас, подчинив свою деятельность освободительному движению армянского народа, ставил на службу освободительному движению также и армянскую церковь в России. По мнению Минаса, религиозные учреждения армянской церкви в столице — Москве и в других городах России, функционируя под руководством подходящих служителей культа, еще больше укрепили бы доверие армян к России, усилили бы их тягу к ней и, помимо того, явились бы прикрытием для организации в Москве и в других городах России дела помощи освободительному движению.

В «Объявлении» ко двору от 5 апреля 1719 г. Минас говорит, что он, когда в Москве, Астрахани, на Тереке и в других местах России армянский народ будет иметь свои церкви, будет «над оными надзирателем», то тогда «по воле его величества близости...» пишет Минас, — мы или мои приятели, при прикрытии нашего чина, секретно о всём, наипаче о обретающихся тамо неприятелях и о состоянии тех народов (находящихся под господством Персии — А. Л.), можем дать (давать) ведомость...»².

Надо сказать, что Минас был прав в своих суждениях. Несмотря на реакционную сущность армянской (и всякой другой) церкви, она, функционируя в городах России, могла в тех условиях играть и сыграла известную положительную роль тем, что она, с одной стороны, способствовала делу укрепления связей армян с Россией и, с другой — представляла со-

¹ Г. Эзов, указ. соч., док. № 202.

² Там же, док. № 212, пункты 9—10.

бой прикрытие для ведения в Москве Минасом и его людьми «секретного дела».

Итак, мы видим, что ряд документов свидетельствует о том, что решающим средством для достижения цели вардапет Минас (и Ори) считал повстанческую вооруженную борьбу армянского народа, поддержанную военными усилиями России, а не церковь и религию. 80 тысяч вооруженных армян и вспомогательные русские войска — вот реальная сила, на которую рассчитывал Минас, строя свои планы. Армянская церковь, как полагал он, должна была лишь способствовать победе, а не решать ее.

Автор между тем продолжает:

«Но даже в своих религиозных планах Минас не был последователен. Так, приехав в Западную Европу, он принял католичество, очевидно с целью установить связи с католической церковью и правителями западноевропейских католических государств. Впоследствии, очутившись в России, он опять вернулся к армянскому вероисповеданию, а в конце своей жизни принял православие. Характерно также, что Минас-вардапет не только не стремился обеспечить единство действий хотя бы церковных кругов Армении, но, наоборот, оказался во вражде с Эчмиадзином и его представителем в Москве священником Иваном Яковлевым» (стр. 151).

Автор, увлекшись критикой «религиозных планов» Минаса, посвящает ей половину общего количества строчек (40 из 80), характеризующих личность этого деятеля.

Следует, однако, сказать, что его критика, исходящая из тенденциозных жалоб армянского попа Ивана Яковлева, не содержит в себе ничего нового и представляет сокращенный вариант критики, данной в брошюре т. Ашота Иоаннисяна¹. При этом П. Арутюнян ссылается не на брошюру, а на архивное дело «АВПР, ф. «Сношения России с Арменией», 1722, лл. 28—39 (стр. 151), в котором, однако, не оказалось ничего подобного. Выходит, что автор не только берет у А. Иоаннисяна основные положения его критики Минаса (и Ори), но и в точности повторяет его ссылку на вышеуказанное архивное дело, не интересуясь даже, где и под каким номером находится оно.

Действия вардапета Минаса (и Ори) в «пользу» католической церкви явились весьма кратковременным эпизодом, подчиненным целям армянского освободительного движения. С приездом Израела Ори и Минаса в Москву летом 1701 г. и передачей Российскому государству дела об освобождении Восточной Армении и был положен конец этому эпизоду. В последующие годы все упоминания о римском папе, встречающиеся в бумагах Ори, делались лишь в целях предупреждения наскоков правящих кругов некоторых западноевропейских государств и их агентов, которые не прочь были использовать в своих целях гостеприимство, оказанное в Москве Ори и Минасу, равно как и оставление последних при русском правительстве.

В 1719 г. вардапет Минас, обращаясь к русскому правительству, писал: «Пронесли мы славу (т. е. слух — А. Л.) для причины оного дела (армянского освободительного движения — А. Л.), чтобы никто не знал такую и (полагали, что) будто для любви честнейшего папы к нам его величество (русский царь — А. Л.) изволит милостиво поступать, и меня над народом нашим по закону и правилу... святого Григория в его державе (в России — А. Л.) постыжём быть и иметь церкви не возбранил, но мы сие чином под прикрытием: первое, чтобы про сие услыша, наш народ

¹ См. Ашот Иоаннисян, К вопросу о возникновении русской ориентации у армян, Эчмиадзин, 1921, стр. 33—37, на арм. языке.

отсюда в страну его державства стекался, — второе, чтобы и другие потентаты (из западных католических государей — А. Л.) не нанесли б его пресветлому величеству какой противности»¹,

Из приведенного документа, так же, как из других бумаг, явствует, что вардапет Минас по существу не был католиком и остался деятелем армяно-грегорианской христианской церкви.

Только этим можно объяснить тот факт, что гандзасарский католикос-патриарх Есаи, оценивая религиозный облик Минаса, а также его преданность делу освободительного движения и дружбы армян с Россией, в 1716 г. присвоил этому «посланнику» Петра I чин архиепископа и подчинил его духовной власти армян, проживавших в России, о чем Есаи тогда же сообщил Петру I². С 1716 по 1740 г. Минас был епархиальным архиепископом всех армян в России.

В конце своей жизни архиепископ Минас подавал ходатайство о принятии его в лоно православной русской церкви. Вопрос решился быстро, ибо армяно-грегорианская церковь мало чем отличается от православной: 28 апреля 1740 г. в большом Успенском соборе Кремля проходила церемония принятия Минасом православной веры, а 12 мая того же года он скончался и был похоронен в Николаевском монастыре³. В связи с этим следует отметить, что, вопреки мнению П. Арутюняна, принятие Минасом православной русской веры не только не запятнало его политическую биографию, но, наоборот, свидетельствует о любви и преданности его к России, которая стала для него (и Ори) второй родиной.

Что касается утверждения автора о «вражде» Минаса с Эчмиадзином и его «представителем» в Москве армянским попом Иваном Яковлевым, то оно совершенно не соответствует действительности. Факты свидетельствуют о том, что вардапет Минас в своих отношениях с Эчмиадзином, причем дружественных, а не враждебных, а также в выступлении против вышеуказанного попа, руководствовался только интересами армянского освободительного движения, и это не трудно доказать⁴.

На наш взгляд, критика автором «религиозных планов» Минаса является необоснованной.

* * *

Говоря о возникновении армяно-русских политических отношений конца XVII — начала XVIII вв., автор не уделяет сколько-нибудь серьезного внимания анализу и оценке тех именно письменных памятников, которые проливают свет на установление этих отношений. Больше того, автор в ряде случаев берет под сомнение достоверность некоторых важных документов с давностью более 250 лет.

Говоря о документах, мы имеем в виду: доверенность армянских меликов Израелу Ори от 29 апреля 1699 г.; послание меликов от 29 апреля 1699 г. Петру I; эчмиадзинскую грамоту Ори и Минасу от 7 ноября 1702 г.; послание карабахских меликов Петру I от 27 мая 1703 г.; ответное письмо из Армении Ори и Минасу от 15 апреля 1703 г.; письмо меликов канцлеру Ф. А. Головину от 27 мая 1703 г.⁵ и некоторые другие бумаги из Армении.

¹ Г. Эзов, указ. соч., док. № 112, пункт 8.

² См. Г. Эзов, указ. соч., док. № 203.

³ См. член-корр. АН Армянской ССР Д. М. Меликсет-Бек («Известия» АН Армянской ССР, общественные науки, 1946, № 1).

⁴ См. Г. Эзов, указ. соч., док. №№ 59, 85, 104, 203, 209 и другие, а также ЦГАДА, ф. 100, д. 2, от 30 мая 1719 г., лист 6 и другие.

⁵ Перечисленные документы помещены в сборнике документов Г. Эзова (док. №№ 3—4, 6, 85, 95, 98 и 100).

Как же реагирует на эти документы П. Арутюнян?

Доверенность от участников Ангехакотского собрания Израелу Ори, которую мелики называли «торжественным и всенародным инструментом» и в которой были закреплены широкие, ничем не ограниченные права и полномочия Ори по ведению дела освобождения Армении от шахского ига, не получила в книге П. Арутюняна никакого отражения.

Послание меликов Петру I от 29 апреля 1699 г., этот первый основополагающий коллективный памятник, свидетельствующий о принятии армянами русского подданства и их просьбе прислать на помощь русские войска и т. д., не подвергается в книге анализу, не обобщается и не оценивается, если не считать отдельных кратких выдержек из него, которые приводит автор. Что касается подробнейшей характеристики Израела Ори, данной в этом послании, то она вовсе оказалась не замеченной П. Арутюняном.

Эчмиадзинская грамота, в которой подтверждается приезд в Армению курьера Мирона Васильева и вручение армянским деятелям призеженных им писем от Ори и Минаса, а также говорится об огромной радости армян по случаю успешной деятельности Ори и Минаса в Москве и т. д., — эта коллективная грамота тоже не получила никакого отражения в интересующей нас книге.

Послание меликов Петру I от 27 мая 1703 г., свидетельствующее о дальнейшем упрочении союза и дружбы армян с русскими, также осталось не замеченным автором книги.

Ответное письмо меликов Ори и Минасу не выпало из поля зрения П. Арутюняна, однако он не анализирует богатейшее содержание этого документа и не обобщает его обширный материал. Он только использует один момент из этого письма для показа наличия вражды и разногласий среди армянской феодальной верхушки. При этом автор обнаруживает полное безразличие к вопросу о достоверности самого документа, к тому же неточно его датируя. Он пишет: «Изданный Г. Эзовым документ № 95 (письмо армянских меликов, датированное 1702 г.), независимо от того, кто был его автором и где он был написан — в Армении или в Москве, отражает вражду и разногласия, существовавшие среди армянской феодальной верхушки...» (стр. 198—199).

Не заметил автор и письма меликов Головину, хотя оно и представляет собой обстоятельный коллективный политический документ.

Характерно, что автор, проявляя столь безразличное отношение к указанным выше письменным памятникам, не говоря уже о документации Армянской миссии в Москве, в то же время обнаруживает огромное усердие по отношению к документам 20-х годов XVIII в. Многие из этих документов, которые еще в 1953 г. и раньше были обобщены и опубликованы доктором исторических наук проф. А. Г. Абрамяном, автор приводит почти целиком (и в этом мы не находим ничего предосудительного), не плохо анализирует и обобщает их, делает выводы.

Чем объяснить такой неодинаковый подход к документам? Во всяком случае, не значимостью самих документов, ибо письменные памятники 1699—1703 гг. имели огромное значение для судеб армяно-русских отношений и освободительного движения армянского народа. Главная причина, как нам кажется, состоит в том, что автор, руководствуясь желанием принизить роль представителей Армении в Москве, сознательно закрывает глаза на факты и документы. Он, тем самым, обедняет историю начального периода освободительного движения армянского народа. (Историю вооруженной борьбы 20-х гг. и деятельность Давид-бека, Мхитар-бека, Авана и Тархана — юзбашей, в известном смысле Ивана-Карапета

и других руководителей и военачальников, появившихся на арену в период этой борьбы, автор освещает обстоятельно).

На конкретных фактах было уже показано, что П. Арутюнян, умалчивая или по-своему толкуя старинные письменные памятники, не всегда обращает должное внимание на важные события, имеющие прямое отношение к армяно-русским политическим связям и освободительному движению, а иногда попросту упускает эти события, не дорожит ни фактами, ни именами деятелей освободительного движения, и, «по-новому» ставя целый ряд вопросов, запутывает и затрудняет их понимание. Вместе с тем он слишком широко комментирует некоторые не столь существенные моменты или даже загромождает свою книгу материалами, не имеющими никакого отношения к теме.

Автор оперирует иногда данными, относящимися чуть ли не к XII—XIV вв., сильно увлекаясь при этом объяснением многочисленных слов и терминов (танутер, кетхуда, мецамец, ишхан, мелик, парон, хайренник и т. д. и т. п.), равно как и выяснением, когда и где обосновался тот или иной феодал или парон (господин). Достаточно сказать, что один только список имен не известных, не сыгравших никакой роли ишханов, меликов, паронов, ага, епископов и прочих эксплуататоров XII—XVII в., занимает шесть страниц книги (стр. 53—58).

Зато политическая и дипломатическая деятельность Григория Лусикова, сыгравшего в 60—70-х гг. XVII в. большую роль в деле укрепления связей с Россией, выпала из поля зрения автора, если не считать 5—6 строчек чужих слов, которые он приводит в виде цитаты (стр. 185).

Вовсе не упоминает автор и важнейший политический документ начала 70-х гг. XVII в. — письмо гандзасарского патриарха Петра (Петроса) русскому царю Алексею Михайловичу, в котором содержится просьба заступиться за армянский народ, «чтоб мы меж нечестными без исцеления не оставались...»¹.

Эчмиадзинское тайное совещание 1678 г., решившее послать в Западную Европу и в Россию делегацию с поручением просить там помощи и покровительства армянокому народу, составляет важную страницу в истории армянского народа, и армяне по праву гордятся этим событием, ибо еще тогда их соотечественники делали некоторые попытки связать судьбу Армении с Россией. Об этом совещании имеется целый ряд прямых и косвенных свидетельств. Несмотря на это, П. Арутюнян, опираясь только на одно высказывание армянского хроникера (или хронографа) XVII в. Закария Акулисского, заявляет: «...либо это совещание было до 1677 года, либо его вовсе не было» (стр. 137).

Когда в 1915 г. Ашот Иоаннисян приводил то же высказывание Акулисского, то он не брал под сомнение сам факт тайного совещания, а лишь сомневался насчет даты его созыва². П. Арутюнян же, повторяя все доводы Иоаннисяна, делает шаг «вперед», умозаключая, что быть может и вовсе не было такого совещания. При этом он оперирует также некоторыми собственными «доводами».

«...дата Эчмиадзинского тайного совещания, — пишет автор, — в документах указывается по-разному — то 1674 г., то 1678 г. и т. д. (см.

¹ Сборник документов «Армяно-русские отношения в XVII веке», под ред. проф. В. А. Парсмяна, Ереван, 1953, док. № 32. (Это документальное издание, макет которого был известен историкам Армении еще в 1952 г. и публикация которого имела место весной 1953 г., не получило никакого отражения в книге П. Арутюняна, вышедшей в середине 1954 г.).

² См. журнал «Арабат», на арм. языке, 1915, стр. 778.

Г. Эзов, указ. соч., док. №№ 5, 6, 7, 8 и др.») (стр. 137, примечание 2-е). Ни о каких четырех (тем более пяти или шести) документах и речи не может быть. В **первоисточнике** — в армянском рукописном тексте послания меликов Петру I от 29 апреля 1699 г. — Эчмиадзинское тайное совещание датируется 1678 годом (см. Г. Эзов, указ. соч., док. № 6). В послании меликов на латинском языке от 29 апреля 1699 г. к пфальцкому курфюрсту приводится та же дата, т. е. 1678 г. (Г. Эзов, указ. соч., док. № 5). Что же касается даты 1674 г. (других дат, кроме этих двух, нам неизвестно и поэтому непонятно, что имел в виду автор, указывая «и т. д.»), то она действительно фигурирует в латинском (док. № 7) и русском (док. № 8) переводах армянского текста послания меликов к Петру I. Но из этого следует, что мы имеем всего-навсего ошибку переводчика, а не новую дату, как пытается уверить читателя П. Арутюнян. Больше того, в документах №№ 7 и 8 приводится не просто 1674 г., а 1674 (1678 г.). А это значит, что уже в 1898 г. при опубликовании документов №№ 7 и 8 была замечена ошибка переводчика, о которой писал Г. Эзов¹.

Выдвигая другой довод, автор пишет: «Обращает на себя внимание и тот факт, что местом, где происходило «тайное совещание», обычно называется «Св. Эчмиадзин», но представитель этого «тайного совещания» Израел Ори в своих объяснениях указывает, что оно происходило не в Эчмиадзине, а в Ереване — «в Ревани городе» (см. там же, док. № 44) (стр. 137). Следует указать, что Израел Ори нигде не говорил, что совещание происходило не в Эчмиадзине, а в Ереване. Он просто говорил, что совещание 1678 года происходило «в Ревани городе», очевидно желая усилить значение сообщенного им в Москве факта, ибо Ереван, как административный и политический центр Персидской Армении, был более известен, чем Эчмиадзин, представлявший собой лишь духовный (религиозный) центр. Кроме того, Эчмиадзин отделяется от Еревана расстоянием менее чем в 20 километров. Кто же, например, мог найти противоречия между названиями: «Берлинская конференция 1945 г.» и «Потсдамская конференция 1945 г.»? А ведь эта конференция в нашей литературе называется и так и так.

Отход автора книги от общепринятых правильных положений приводит его к неразрешимым противоречиям в вопросе о возникновении движения армянского народа за присоединение к России. Так, судя по некоторым высказываниям П. Арутюняна, можно было бы полагать, что он относит начало этого движения к концу XVII — началу XVIII в. (стр. 140, 141, 280), т. е. разделяет общепринятый вывод по данному вопросу. Однако в ряде случаев автор приходит к другому выводу, согласно которому вплоть до начала 20-х гг. XVIII в. движение за присоединение к России не имело народного характера и охватывало лишь узкий круг феодальной верхушки. «Если в конце XVII в., — пишет он, — движение за присоединение к России развивалось лишь в узком кругу **верхушки** армянского общества, то в 20-х годах XVIII в. этим движением были охвачены самые широкие народные массы...» (стр. 283, см. также стр. 184). Теперь понятно, почему автор не обращает сколько-нибудь серьезного внимания на анализ и обобщение вопросов армянского освободительного движения в период между 1699 и 1721 гг. Движение в эти годы оказывается было движением феодальной верхушки.

Крайне запутанным и противоречивым в книге П. Арутюняна оказался также вопрос о времени вступления гандзасарского патриарха Есаи Хасан-Джалаляна в армянское освободительное движение. Есаи

¹ См. Г. Эзов, указ. соч., стр. 97, приложение 1-е.

вступил в это движение примерно в начале первого десятилетия XVIII в.¹ И не случайно, что он свою Благословенную грамоту от 7 декабря 1702 г.², отправленную им через Мирона Васильева в Москву, заканчивает известиями политического характера и протестом против шахской тирании, а также обращением к Израелу Ори и вардапету Минасу с просьбой поддерживать с ним связь. Этого документа, равно как и обширного письма Есаи от 20 сентября 1709 г. Петру I³, автор книги не замечает.

Говоря о политической деятельности Есаи, П. Арутюнян пишет: «В 1702 г. Есаи был помазан патриархом Гандзасара. С этого времени он примкнул к тем кругам, которые были настроены против Сефевидов» (стр. 231). Разделив всю политическую деятельность Есаи на два периода, автор датирует первый из них 1709—1724 гг. (стр. 232). Кроме того, он пишет: «В конце XVII в. деятели армянского освободительного движения (Израел Ори и армянские мелики) созывали в Гандзасаре собрания, а в 20-х годах XVIII века глава этого монастыря Есаи Хасан-Джалалян... и другие принимали деятельное участие в освободительном движении» (стр. 60).

Приведенные выдержки не нуждаются в комментариях. Вполне ясный вопрос о вступлении Есаи в освободительное движение в разбираемой нами книге запутан основательно.

Основные ошибки автора в освещении вопроса о деятельности Израела Ори и Минаса-вардапета, состоят, на наш взгляд, в следующем.

Хотя П. Арутюнян и указывает на отдельные положительные моменты в деятельности Израела Ори и Минаса-вардапета, все же это не меняет общего отрицательного направления характеристики, которая дана им в книге. Создавая впечатление, что главное — это освещение роли широких народных масс в освободительном движении (кстати сказать, в книге и не показана эта роль вплоть до начала 20-х гг. XVIII в.), автор искусственно принижает роль выдающегося деятеля армянского освободительного движения конца XVII — первого десятилетия XVIII вв. — Израела Ори и его товарища по работе Минаса-вардапета. При этом автор не выдвигает (да и не мог бы при желании выдвинуть) ни одной фамилии, способной заполнить брешь, созданную им же самим.

В освещении П. Арутюняна целый этап освободительного движения за присоединение к России, становление и утверждение этого движения и его дальнейшее развитие вплоть до начала 20-х гг. XVIII в., равно как и установление и развитие политических отношений Армении с Россией, оставляется без признанных и общеизвестных предводителей, глашатаев и защитников.

Автор не обращает должного внимания на ряд очень важных армянских рукописей 1699—1703 гг., связанных главным образом с именем Израела Ори, предает некоторые из них забвению или же берет под сомнение их достоверность.

В книге П. Арутюняна не анализируется и не обобщается деятельность Армянской миссии в Москве, особенно в первые годы ее существования, когда миссию возглавлял Израел Ори, ничего не говорится об указе Петра I по «армянскому делу», объявленном 11 марта 1702 г. в Гос. посылском приказе, как и о многих других письменных памятниках начала XVIII в., возникших в Москве в связи с деятельностью Израела Ори и Минаса-вардапета.

¹ См. Лео, История Армении, Ереван, 1946, т. III, стр. 573—574.

² См. Г. Эзов, указ. соч., док. № 86.

³ См. ЦГАДА, ф. 100, д. 5, от 8 апреля 1712 г., л. 3.

Стремясь принизить роль Исае́ла Ори и Мина́са-вардапета и доказать, что последние не выражали в своей борьбе стремлений и чаяний широких масс, П. Арутюнян, не показывая места и роли широких масс армянского народа в освободительном движении в период до возникновения в 1722 г. вооруженной борьбы против турецких и персидских захватчиков и принижая роль сознательного элемента в движении, автор обедняет историю самого движения и искажает ее некоторые вопросы.

Эти и некоторые другие положения дают нам основание утверждать, что в освещении автором некоторых важных вопросов истории армянского освободительного движения конца XVII — первых двух десятилетий XVIII вв., особенно в оценке деятельности Исае́ла Ори и Мина́са-вардапета, допущены серьезные ошибки. Эти ошибки наносят ущерб делу изучения вопросов освободительного движения указанного периода, и поэтому критический разбор их не может терпеть отлагательства.

А. Лалаян